

На Международном кинофестивале в Роттердаме

БЕЗ СМОКИНГА

Независимая 198-
1999 - 3 февр. 67

Глеб Ситковский

АЛЕКСАНДР БАШИРОВ прославился когда-то маленьким эпизодом в культовом фильме Сергея Соловьева «Асса», где сыграл пьяного лжемайора. Затем он снялся еще в нескольких картинах Соловьева, в фильмах молодых российских режиссеров. «Железная пята олигархии» — его первый полнометражный фильм как режиссера. В эти дни вместе с другими работами дебютантов он участвует в конкурсе 28-го Международного кинофестиваля в Роттердаме и борется за высшую награду фестиваля — одного из роттердамских «Тигров».

— Александр, это первый зарубежный фестиваль, на котором ваша картина участвует в конкурсе?

— Да, здесь, за границей, это первый фестиваль. До этого фильм был в Венеции и получил там почетный диплом журнала кинокритиков. Сейчас в Роттердаме будет еще один показ картины, после чего ее отправят в Гётеборг, на фестиваль, — ну там нет конкурса. А я останусь здесь до конца, дожидаясь результатов. Есть какой-то маленький шанс, что картина выиграет.

— Вы можете сравнить реакцию нашего и западного зрителя на фильм? Ведь он, по-моему, очень сильно рассчитан на знание российской действительности.

— Ну, например, итальянские студенты, которые смотрели фильм в Венеции, просматривали его четыре раза, чтобы нормально понять

ситуацию. Я смотрел его здесь в Роттердаме — практически мертвая тишина, и, может быть, два-три го-го-чущих человека. Но, по-моему, это русские. (Смеется.) Какие-то вещи трудно, конечно, понять. Но более поверхностные, провокационные очевидны всякому — когда, например, танец длится бесконечно и заканчивается полным безумием. Публика здесь воспринимала фильм вроде хорошо, но, наверное, больше всех смеялся в зале я — потому что я фильм давно уже не смотрел и мне было смешно, как всегда.

— В вашей картине очень многое строится на языковой игре персонажей, но в английских субтитрах все языковые некорректности убраны, и оттого пропал весь юмор.

— Я понимаю это, но есть какие-то вещи, которые не в моей власти. Я не могу сам перевести картину. Литературный эквивалент этой картины требует какого-то гениального переводчика. Проблема была еще и в том, что фильм нельзя дублировать, потому что тогда потребовался бы актер такого же темперамента.

— Существуют ли какие-то прототипы вашего экранного персонажа в современной российской политической жизни? Может быть, Виктор Анпилов, на которого ваш герой очень похож по пластике и темпераменту?

— Странно. Вообще-то фильм вырос скорее из итальянской фашистской хроники. Итальянских журналистов даже испугало, когда я сказал, что основным толчком была хроника с Муссолини и некоторые книги про Муссолини. И еще биография Гитлера, его венский период.

Я хотел делать картину о левом радикальном пропагандисте, отталкиваясь от правого радикализма. Хотя они в то время были социалистами — и Муссолини и Гитлер. А чисто пластически мне был Муссолини интересен. Я хотел не то чтобы стилизовать, но переосмыслить эти вещи. Но по степени страстности, страстности безумия многие себя узнают.

— Вы начинали как комический артист, а сейчас выпустили свой первый полнометражный фильм и как режиссер. В этом смысле вы повторяете судьбу известных актеров-комиков, которые снимают кино «под себя». Намерены ли вы и дальше снимать фильмы «под себя»?

— Я с удовольствием сделаю любой фильм — и под себя, и не под себя, и за себя. Ситуация такая, когда уже не до жиру, быть бы живу. Кризис. И, наверное, пять лет еще не будет кинорынка. Нам, пахарям кинонивы, бессмысленно что-то сеять, потому что на прилавок это не привезешь.

— Ведь в Москве, насколько я знаю, «Железная пята олигархии» шла только на редких показах в Киноцентре, Доме Ханжонкова, но никакого проката у картины, по-моему, нет?

— Не знаю. У меня другая профессия. Я, конечно, интересуюсь, но понимаю, что большая жажда некоторых кинодеятелей повернуть кино лицом к зрителю нереальна и бессмысленна. Я, например, своим студентам говорю: если вы будете делать какую-то коммерчески успешную картину, то вы обогатите этим только пиратов и разных жучков. За-

чем вам заниматься зрителем, которого нет? Поэтому когда настаивают, чтобы мы, художники, думали о зрителе, вернули славу советского, русского кино, я смотрю на судьбу самых успешных российских фильмов последних лет. Ведь даже «Особенности национальной охоты», «Брат», «Менты», «Улики разбитых фонарей» особого коммерческого успеха не имели. Популярность — да; но она не эквивалентна денежным знакам.

— Вы рассчитываете на денежные знаки здесь, в Роттердаме, которые помогли бы вам снять новый фильм?

— Да, я жду, что хоть кто-то подарит мне лотерейный билет. Здесь сейчас бешеный пул собрался. Можно выиграть хорошие деньги. Думаю, может, сходить на скачки или в казино. У меня нет других идей, как обогатиться.

— Вы ведь снимаете малобюджетное кино?

— Да. То есть низкая себестоимость дает возможность вернуть затраты, и я рассчитываю на это. Но... Мне, наверное, нужно менять профессию. Получается, что я все делаю сам. Нахожу деньги, снимаю кино, сам играю в этом кино, сам его монтирую. Практически сам его продаю. А когда мне писать стихи?! Когда мне писать великолепные пейзажи, которые у меня в голове? Мне нужны масло, холст, и я очень экспрессивно это делаю. Я хочу получить от жизни удовольствие, самореализуясь творчески, радуя общество искрами своего, я бы сказал, юмора и обаяния. А так — я что? Бизнесмен какой-то... У меня даже галстука нет.

— И смокинга нет? А если придется получать приз, в чем вы выйдете?

— Нет, почему? Смокинг у меня есть, но дома. Но здесь, в Роттердаме, такой фестиваль, что можно без смокинга.

Роттердам